

Натали Исупова

Настоящий Король

цикл "Камелот"

16+

Натали Исупова
Настоящий Король

«ЛитРес: Самиздат»

2000

Исупова Н.

Настоящий Король / Н. Исупова — «ЛитРес: Самиздат», 2000

ISBN 978-5-5320-9611-0

Продолжение "Настоящего Волшебника", вторая книга цикла "Камелот".
Новые приключения Фальстаафа, а ныне Великого Мерлина, юного короля
Артура, гоблина Ульрика и волшебницы Морганы.

ISBN 978-5-5320-9611-0

© Исупова Н., 2000
© ЛитРес: Самиздат, 2000

Моргана скучала. А когда она скучала, попадаться ей на глаза, а тем более под горячую руку было опасно. Хандра снедала ее уже который псевдомесяц. Неизменно юные и прекрасные служанки ее раздражали, поэтому бедняжкам приходилось прятаться по углам и даже на время прекратить обсуждение последних мирских слухов, дабы у колдуньи не возникало соблазна подпортить их хорошенькие личики своими длинными ухоженными коготками, острыми как у кошки.

Все виданные и невиданные развлечения были перепробованы, дорогие безделушки и диковинные зверьки надоели, наряды не радовали глаз – Моргана умудрялась даже в самом изысканном платье обнаружить изъян, якобы уродующий ее идеальную фигуру. Так что в одежде она приветствовала исключительно открытость и прозрачность.

Опротивели ей и красавцы-любовники, которые, несмотря на слезы сочувствующих им одалисок, были безжалостно сброшены со скалы в море на съедение кишевшим у берегов острова акулам.

Авалон загрустил, погруженный в сонную тишину... Впрочем, это было естественным состоянием для острова, на котором остановилось время. За пределами скалистого берега люди рождались, мужали, старились и умирали, а волшебница оставалась по-прежнему молодой и сногшибательно красивой.

У стороннего наблюдателя дух перехватывало от картины, которую являла собой Моргана, расположившая свое роскошное тело на пурпурном шелке огромного овального ложа. Однако бедным морякам, чьи корабли разбивались о скалы невесть откуда взявшегося острова, выбирать особенно не приходилось. Обнаженная натура им вставала поперек горла еще до того, как они обнаруживали, что пара-тройка недель блаженства чудесным образом растянулась на добрый десяток лет.

Остров блуждал по морям-океанам, ни разу не наткнувшись на мель, благодаря диковинному колдовскому заклятию, наложенному Морганой. А время на острове укротила еще мать волшебницы – лесная фея.

Феям не страшно увядание, связанное со старостью, и она страшилась подобной участи для своей дочери от смертного человека. Мореза так гордилась красотой новорожденной, что не могла позволить времени наложить свою гнусную печать на ангельские черты. Если только феям свойственны материнские чувства, то Мореза их проявила. Правда, к пустынной скале она быстро охладела и оставила утес на произвол судьбы и воли Морганы, отправившись на поиски неведомо каких райских земель. Жила ли мать где-то в этом мире или давно покинула его пределы – Моргану мало интересовало. Ее злила только легкомысленность мамыши, не добившейся для дочери лучшей доли.

Фея Мореза польстилась на юного короля какой-то крошечной страны под названием Британия... К сожалению, несмотря на нежный возраст, король Утер уже обзавелся королевой, и гордая фея не пожелала числиться в фаворитках. Так что Моргана была принцессой, самой, что ни наесть настоящей... К сожалению, на трон надежды было мало, так как за всю свою долгую жизнь – а прожил король ни много ни мало, почти восемь десятков лет – Утер наплодил еще уйму дочерей.

Наследника-сына у него, правда, не было, и многочисленные внуки-правнуки грызлись за престол в меру своих сил и средств.

В этой борьбе, несмотря на всю ее колдовскую силу, у Морганы не было ни малейшего шанса. Но ее занимало, что там творится в славной Британии с тех пор, как папаша впал в старческий маразм.

Самой Моргане по реальному времени стукнуло без малого шестьдесят, что, конечно, никак не отразилось на ее внешности. Выглядела она на все те же лет двадцать пять – тридцать, в которые окончательно поселилась на Авалоне.

Когда-то Моргане колдовское искусство было в новинку, она приходила в восторг от своего таланта и обожала экспериментировать. Она совершила то, до чего не дошли руки у феи-мамаши – вдосталь поработала с этой бесплодной землей. Убогая скала, у которой только и было одно достоинство – остановленное время, превратилась в цветущий яблоневый сад, облагороженный без помощи ленивых садовников. Маленькое землетрясение отделило полуостров от материка, и он отправился в свое бесконечное путешествие. Косяки рыб с удовольствием и не без помощи магии сопровождали Авалон, чтобы быть когда-нибудь выловленными и поданными на стол привередливой колдунье, под самыми изысканными соусами, запеченными в сметане или обжаренными в сухарях, вымоченными в белом вине, засоленными и закопченными.

В основном, на Авалоне питались дарами моря, но и сам остров поставлял деликатесы к столу принцессы. Фазаны в садах Авалона плодились и жирели вместе с прочей, живой еще снедью. Ветки деревьев ломались от невиданных плодов, которым служанки устали давать названия.

Если у прислужниц еще и были кое-какие занятия, к примеру, связанные с приготовлением пищи – блюда, сотворенные с помощью магии, Моргана на дух не переносила – то сама волшебница была лишена скромных радостей трудовых будней. Кроме купания, умощения благовониями, примерки нарядов и украшений, Моргана не имела других развлечений. Жизнь на грешной земле, среди людей, казалась веселее, но страх состариться и подурнеть держал ее на острове. Поэтому визиты волшебницы ко двору были кратки – лишь бы не забывали, что есть у короля такая родственница.

Колдовство ей очертело, и она скучала, скучала, скучала...

Фея уселась у зеркала, не утруждаясь, чтобы запахнуть полупрозрачную тунику, и стала изучать свою идеально прекрасную, словно выточенную из розового мрамора физиономию. Она смотрела так внимательно, словно пыталась найти несуществующий прыщик или хоть одну, растущую не на месте волосинку, как будто заклятие вечной молодости и красоты не отняло у нее возможности улучшить свою внешность, ибо дальше улучшать было уже некуда. Процентом на девяносто времяпровождение смертной женщины составляет уход за своим телом, а Моргана была и тут обделена...

Личико принцессы исказила злая гримаска, и оно на мгновение стало чуть менее идеальным. Глаза сощурились, губы сжались, скулы заострились – точь в точь рассерженная кошка. Недавно ей сообщили новость, что король Утер совсем плох.

«Да уж и пора бы, – хмыкнула Моргана, – Скоро восемьдесят стукнет...» Дошел до феи и слух, что опять появился невесть откуда какой-то самозванный волшебник, и нащептал королю глупейшую мысль. Будто трон должен занять тот, кто вытащит из камня старый меч, ржавеющий в некоем священном месте уже несколько веков. Никому и в голову не могла прийти мысль, что меч из камня достанет простолюдин, поэтому проседали штаны в своих парадных шатрах исключительно знатные юноши из окрестных земель, включая королевских внуков, не оставляющих надежды завладеть злополучной железью.

«Жаль, что не может сидеть на троне женщина, – подумала принцесса, – А то бы я им показала меч в камне! Разве что выбрать какого-нибудь идиота и подсобить ему малость? Смешно подумать, что кто-нибудь сможет устоять перед прелестями такой помощницы...» Некоторое время колдунья размышляла, что лучше королевская власть или вечная молодость? Чаша весов склонялась к молодости, и Моргана мысленно обругала мамашу за то, что она спуталась со смертным. Затем Моргана подумала, что наверняка существует рецепт вечной моло-

дости и не обязательно заточать себя для этого на острове... Более того, она даже слышала где-то про этот рецепт. Вот только состав эликсира был совершенно невозможным....

Мысли Морганы вернулись к персоне неизвестного волшебника.

О нем было известно немного. Были слухи, что он принц какой-то южной страны или, наоборот, северной или вообще явился из другого мира через только одному ему известные Врата. Люди говорили, что могущественнее его нет мага, не было уже несколько веков и не будет после. Моргану даже одолело любопытство, есть ли на самом деле этот маг, где скрывается, что творит на досуге и как вообще выглядит.

На слухи в таких делах полагаться нельзя, так как одни очевидцы говорили, что маг этот высотой с гору, косая сажень в плечах, и похож на дикого варвара манерами и одеждой, другие описывали Мерлина, как дряхлого старца с длинной белой бородой, благообразного, как христианский святоша. Третьи вообще заявляли, что Мерлин – рубаха парень, щуплый, ничем не примечательный мужичонка средних лет, смуглый и чернявый.

Зная этих господ волшебников, можно поверить, будто одинаково правы и те, и другие, и третьи, но Моргана полагала, что все это гнусные выдумки. Она никак не могла взять в толк, откуда мог в этом дурацком мире появиться могущественный маг? Колдунья перебрала мысленно все известные ей знатные фамилии, в генеалогии которых когда-либо встречались Маэстро-волшебники, но не смогла припомнить ни одного подающего надежды человека. Кровь Маэстро давно разбавлена человеческой настолько, что уже поколений пять не рождались великие маги. По крайней мере, так ей говорила леди Мореза...

Последний более или менее известный в народе маг Асмодеус помер дряхлым стариком и имел только одного ученика. Мореза рассказывала дочери в детстве эту забавную историю, вместо сказки на ночь. Ученик Асмодеуса вырос неучем и погиб в какой-то буче за престол, им же и учиненной. Пал от меча нового короля, или от собственных чар – на этот счет у сказочников не было единого мнения. При этом погиб и сам король, и большая часть его славного войска... По ее подсчетам, если бы ученик чародея – Фальстааф – и выжил, то его возраст приблизился бы к немыслимому даже для волшебника. У Асмодеуса и леди Морезы была давняя вражда, может, поэтому мать и рассказывала о нем так часто.

В персоне новоявленного мага Моргану злило больше всего его имя. Примерно в те же времена, а именно сразу после конфуза с учеником Асмодеуса вот так же заявился из дальних земель волшебник, назвавшийся Мерлином, воткнул старинную реликвию в гранитный камень на главной площади какого-то городишки и объявил несчастным жителям, что будет у них великий король. И станет этим королем тот, кто повторит его колдовское действие наоборот, то есть достанет выросший в камень меч.

Пришлый маг не просто выбрал похожее имя, более того – утверждал, что он и есть тот самый Мерлин. При этом негодяя даже несколько не смутило несбывшееся пророчество...

Тот город, бывший столицей одного из многочисленных маленьких королевств, давно разорили завоеватели, неожиданно нагрянувшие из разных частей света. Где был в это время Мерлин с его обещанием вернуться в трудные времена – непонятно. Вероятнее всего, по мнению волшебника, все трудности этого мира были еще впереди. Ни к чему могущественным магам размениваться по мелочам.

Мирные жители разбежались, оставив город на растерзание стихиям. Дома развалились, превратившись в непонятные скопища камней, сады захирели и вконец зачахли... Лишь один огромный валун с воткнутым в него мечом возвышался на равнине.

Королей в Британии с тех пор сменилось более чем достаточно. Но самозванный волшебник даже этот факт перевернул в свою пользу. Мол, не было среди всех королей прошлого ни одного обладавшего властью в полной мере... Существовало множество не подчинявшихся

единому правителю племен со своими собственными воинствующими вождями. Маг заявил, что все беды Британии именно оттого, что короли приходили к власти нечестным путем, а вот испытание выявит достойного приемника трона, который положит конец захватническим набегам на ее земли – «короля настоящего и грядущего».

Прежний Мерлин исчез так же внезапно, как и появился, мимоходом усмирив наводящего страх на мирных жителей злого дракона. А поскольку никого из встречавших мага людей не осталось в живых, то присвоить его имя и спекулировать на поросшей плесенью легенде можно было совершенно безнаказанно.

От Мерлина настоящего и поддельного мысли Морганы плавно перетекли к дракону. Кстати, дракон и волновал ее больше всего в этой давней истории. Моргана была кровно заинтересована в существовании, если не волшебника, то терроризировавшего город ящера. Реальность Мерлина доказывал меч, торчащий из камня – почему бы и не поверить, что чужестранец с похожим именем не тот же самый маг? Разве не мог он кантоваться все это время в других землях, где время, как и на Авалоне, относительно здешнего мира течет иначе?

Раз был маг, значит, есть и дракон, здраво рассуждала Моргана. Ведь не могла же легенда быть правдивой в одном и лгать в другом. Разве что придумали эффектный отлет Мерлина в неведомые края на укрощенном и смирном, как овечка, ящере для придания сказке особого колорита. Какими только вымышленными подробностями не обросла история за несколько веков, передаваясь из уст в уста, от сказителя к сказителю. Моргана бы все отдала, лишь бы дракон не был вымыслом, ради этого она готова была признать магические таланты Мерлина и подлинность его имени.

«Уж не для себя ли он берег престол?» – подумалось Моргане. «Ведь логично предположить, что человек сумевший проткнуть камень мечом, способен извлечь клинок и обратно. Надо бы поговорить с этим Мерлином по душам... Пора прервать свое затворничество. В конце концов, меня не испортит и несколько земных лет, не то, что дней».

Волшебница хотела жить и наслаждаться жизнью, властвовать, наконец, а не коротать псевдодни на скрытом от людского глаза острове. Для чего нужна красота, если некому восхищаться этой красотой, кроме тупых прислужниц? Но в мире людей время так быстротечно... Ее красота угаснет, силы иссякнут – и что останется? Ни власти, ни восхищения в глазах толпы. А каково тому, кто был на взлете, переживать падение? Нет! Это удел людей, а не волшебниц!

Если верить чернокнижным трактатам, существовало одно средство, которое помогло бы обрести вечную молодость человеку вне зависимости от его возраста. Вся-то сложность состава и заключалась в отсутствии у Морганы одного из важнейших компонентов – крови дракона. Логично предположить, что такой эликсир, приготовленный по известному ей рецепту, просто обязан действовать – ведь не зря же драконы считаются самыми долгоживущими существами на свете. Да и разве кто-нибудь слышал о драконе умершем от старости? Бедняги чаще всего гибли от руки храбрых рыцарей, а храбрых рыцарей было столь много в прежние времена, что драконы повывелись совсем... Значит, ящер Мерлина – последняя надежда волшебницы.

«Я смогу жить в мире людей, ничем не рискуя. И я буду не просто жить – царствовать! Люди будут счастливы видеть меня королевой, а через пару десятков лет вообще возведут меня в разряд богинь!» – упивалась своими мечтами колдунья. «Я даже могу позволить им иметь короля. Кого-нибудь из понравившихся мне принцев... Так что традиции не будут нарушены, а стареющего короля всегда можно заменить другим. Какой прок в этих стариках? Большой старец не может управлять страной – это дело для молодого воина!»

У волшебницы появилась навязчивая идея, а когда красивой женщине что-нибудь взбредет в голову – она обязательно этого добьется.

Леди Мореза когда-то пыталась сварить эликсир молодости, да старикашка Асмодеус оказался таким жадным и неуступчивым, что не продал фее ни грамма драконьей крови... Из-за упрямства чародея и возникла глупейшая вражда между ним и лесной феей. Теперь Асмодеус был мертв, а дракона умыкнул посторонний маг.

Необходимо было срочно найти Мерлина – ведь скоро опустеет трон Британии... и у нее появится возможность занять свое, по праву рождения, место. Но Мерлин казался неуловимым – вездесущие шпионки Морганы шли по остывшим следам, собирая лишь противоречивые рассказы очевидцев об его славных деяниях...

– Я разрежу его мерзкого ящера на мельчайшие кусочки и соберу всю драгоценную влагу в бурдюки до последней капельки, а заодно и поставлю зазнайку Мерлина на место – скоро его средней руки чудеса уже никого не удивят! – Моргана разговаривала сама с собой, точнее со своим отражением в зеркале, которое было с ней совершенно солидарно.

Дверь в опочивальню распахнулась и вбежала раскрасневшаяся служанка. Волшебница повернула к ней пылающее гневом лицо, но девушка была настолько взволнована, что не заметила грозного знака.

– Госпожа, госпожа! Вам привезли такую чудную зверушку! Такая умора – со смеху помереть можно! С виду гоблин гоблином, а одет как человек... Прямо говорящая обезьянка! Ругается виртуозно, как сапожник!

– Где это ты слышала, как ругаются сапожники? – фыркнула Моргана.

Прислужница ее заинтриговала так, что принцесса даже забыла о своем гневе в связи с тем, что девушка ворвалась без стука и приветствия.

Молоденькая служанка смутилась, и что-то залепетала в оправдание:

– Просто, так говорят... Госпожа, попугай, который попал к нам с разбитого корабля, знал совсем мало слов – жалко, что он улетел... Вы тогда так горевали... а этот гоблин мог бы его заменить...

– Заменить моего Паоло? – Моргана закатила глаза и промокнула платочком якобы набежавшую слезинку, – Ты с ума сошла! Заменить Паоло каким-то грязным гоблином!

– Но, он вовсе не грязный, госпожа, – растерялась служанка, – Он, напротив, был очень чистый, пока не извалялся в прибрежном песке. На нем белый костюм и он пахнет...

– Избавь меня от описаний сомнительных ароматов, – повысила тон волшебница!

– Он пахнет жасмином... – закончила упрямая служанка.

В любом ином случае она не стала бы дерзить и перечить, но хитрая девица знала, что игра стоит свеч. Зверушка понравится колдунье, а Моргана щедра к тем, кто сумел ее развлечь.

– И что же, – стараясь скрыть интерес, спросила волшебница, – Он только и повторяет матросские словечки, как попугай?

– Напротив! – воскликнула девушка, обрадовавшись, что ее, наконец, слушают, – Мне кажется, он говорит более чем осмысленно...

– Осмысленно? – недоверчиво хмыкнула принцесса, – Да гоблины только и умеют, что верещать и лаять. Им не дается человеческая речь...

Служанка скромно потупилась.

– Ладно, ведите зверушку, – смиловилась волшебница.

Все равно глупая служанка сбила плавный ход мыслей, так почему бы и не развлечься?

До сего злополучного дня бизнес господина Ульрика процветал. Но его погубила жадность. Его близкий друг назначил ему встречу, на важности которой настаивал, но Ульрику хотелось сделать еще один рейс – очень прибыльный рейс.

Весточка была от Мирддина Эмриса – гоблин никак не мог привыкнуть к новому имени приятеля, все время путался и называл бывшего хозяина то Мерлином, то по старой памяти Фальстаафом, но только с глазу на глаз.

С одной стороны визит к старому другу мог обернуться какими-нибудь приключениями, которых так не хватало в его нынешней жизни. С другой стороны за неделю до встречи он успевал совершить еще одну поездку за товаром. Тем более что было просто необходимо пополнить ассортимент его антикварных и ювелирных магазинов, перед возможно длительной отлучкой. Очередные авантюры, до которых был так охоч Фальстааф, то есть Мерлин, могли надолго отвлечь Ульрика от торговых дел.

Собственно говоря, Ульрик уже был богат – очень богат. Хватило бы на всю его долгую жизнь и даже внукам-правнукам, если бы таковые у него имелись. А пока он гонялся за прибылью только ради самой прибыли... Чисто спортивный интерес. Сколько раз Мерлин упрекал Ульрика за порочную страсть к деньгам, ведь не секрет, что все эти поездки были опасны – чрезвычайно опасны, и его друг предпринимал их только в самом крайнем случае, когда был уж совсем на мели. Но, конечно, надо отдать должное Ульрику, ныне сэру Ульрику Грею, – не одна только жадность тянула его в долгое и утомительное путешествие... Как давно знакомое кушанье, сдобренное острой приправой, приобретает особый чарующий вкус, так и поездки раскрашивали серое однообразие будней целым букетом необычных ощущений,

Каждый раз, когда Ульрик оказывался в Драконьей Башне (так почему-то окрестили жилище старого Асмодеуса), покинув приютивший его мир посредством волшебных Врат, он уезжал на побережье, снаряжал корабль и отправлялся на Восток. А уже там по бросовой цене или по бартеру за плоды цивилизации, скупал не ограненные самоцветы и готовые украшения, посуду и ковры, мелкие безделицы: подсвечники и кадилницы, гадательные шары и благовония в изящных амфорах... Вся эта ерунда, пользовалась бешеным спросом у туристов, забегавших в его лавки. Ульрик даже был недоволен тем, что его товар не выдерживал экспертизы на древность. Гоблин посмеивался, когда знатоки-коллекционеры, восхищались точностью подделки, ведь торговец-то знал, что весь его товар самый что ни на есть настоящий. К слову сказать, и здешние купцы расхватывали его механические безделушки, пластиковые игрушки и небьющую посуду, подобно тому, как аборигены какого-нибудь дикого острова набрасываются на стеклянные бусы. Жаль, нельзя было познакомить их с электробытовыми приборами, Ульрика всегда смущало отсутствие электрических розеток в этом варварском мире. Но что возьмешь с дикарей?

Жадность никогда не доводит до добра...

Корабль сэра Грея возвращался домой с трюмом до отказа набитым всевозможным антиквариатом. Особенно гордился Ульрик приобретенными им гобеленами. Ручная работа – подумайте только! Он даже выбрал для Мерлина в подарок красивую трость, которую без труда можно было выдать за волшебный посох.

И вот все пошло прахом! Откуда ни возьмись, прямо по курсу возник остров со скалистыми берегами. Удивление капитана было столь велико, и он так сильно разинул свою пасть, что его вставная челюсть с фарфоровыми зубами – одно из проявлений щедрости Ульрика – выпала изо рта морского волка прямо на истоптанную сапожищами палубу, и была смыта набежавшей волной.

Остров не только появился совершенно не на месте, он еще и нагло дрейфовал в сторону «Повелителя океанов».

При соприкосновении с этакой несуразностью выяснилось, что деревянная посуда не заслужила столь звучного названия. И вот: корабль разбит, моряки сожраны акулами, а чудом спасшегося гоблина схватили какие-то длинноногие девицы, в абсолютном минимуме одежды, грубо сшитой из леопардовых шкур, и вооруженные внушительного вида мечами и кинжалами.

С этого момента удача отвернулась от хитроумного Ульрика. На него надели собачий ошейник с короткой цепью, в который он пожалел бы заточить и собственного злющего дога, и поволокли куда-то через заросли цветущих кустов, всей прелести которых Ульрику не суждено было оценить. Он орал благим матом, кусался и царапался – но в ответ получил только подзатыльники и пинки. Настроение гоблина упало окончательно, когда очаровательная девушка, в длинном и вполне женственном полупрозрачном одеянии велела девам-воительницам хорошенько стеречь пойманное создание. И так, его считали диковинной зверушкой, и это не предвещало ничего хорошего. Гоблин решил из кожи вон вылезть – лишь бы доказать обратное.

Плакала его встреча с Мерлином. Оставалось надеяться, что волшебник проявит сообразительность, вернется в этот мир и вызволит бывшего слугу из плена.

Моргана хлопнула в ладоши, и пара охранниц, только и ждущих этого знака, ввели, или скорее втащили в покои колдуньи маленькое чудовище. Не обладай зверек зеленоватой кожей, он более всего походил бы на обычного человеческого карлика, каких много при дворе любого захудалого короля. Однако странным казалось то, что существо было увешано довольно дорогими безделушками и одето в белый, странного покроя, костюм. Точнее, костюм когда-то был белым, но так пострадал от соприкосновения с прибрежным илом, что назвать его таковым пришлось с очень большей натяжкой.

Зверек или карлик упирался и рвался с цепи как бешеный пес, при этом, не забывая погромче хрипеть, делая вид, что шипастый ошейник слишком сильно сдавил его жирную шею. Он ругался, пытаясь поцарапать своих пленительниц, или, на худой конец, впиться своими желтыми клыками в загорелую аппетитную ляжку девушки-воина. Вероятно, пинков он уже получил достаточно, так что его попытки были слабыми, скорее для острастки, чем со зла.

Увидев красивую госпожу, вероятно, облаченную властью на этом безумном острове, Ульрик сразу приосанился, перестал вести себя как пойманный дикий хорек, одернул костюмчик и даже отвесил настолько низкий поклон, насколько позволяла ему намотанная на запястье одной из воительниц цепь-поводок.

– О, Прекрасная Леди, Королева Райского Острова, позвольте припасть к вашим очаровательным ножкам, и выразить свое восхищение вашей божественной красотой...

Моргане понравилось, что ее назвали королевой, и она была удивлена, что зверушка умеет так изысканно выражаться.

– По-моему, это гоблин, – неуверенно шепнула на ухо камеристке Моргана, – Это вы его так нарядили?

Служанка отчаянно замотала головой.

– Нет-нет! Он уже был такой, и даже чище... Просто он убежал...

– Надобно помыть, прежде чем госпоже показывать! – грозно сдвинула брови принцесса, и служанка обиженно всхлипнула.

– Эй, ты. Животное... Ты знаешь еще какие-нибудь фразы, кроме этой глупости?

Моргана решила, что приветствиям можно научить и попугая – всего-то два и надо: «Прекрасная госпожа...», «Да храбрый господин...», правда, он еще и «королеву острова» приплел... лучше бы уж просто «Королева» – так приятнее.

Ульрика уже лет сто как животным никто не обзывал. А в мире, где он обитал последнее время, к нему обращались не иначе, как «достопочтимый сэръ».

Грубиянов, конечно, везде хватает, но услышать гадость из уст красивой юной леди... – это уж совершенно ни в какие ворота не лезет.

Гоблин прервал свою цветистую фразу на полуслове и завопил, брызжа желтой слюной:

– Во-первых, я не грязный! – у него был очень хороший слух, – Эти мегеры испортили мой костюм! Очень дорогой костюм, шитый на заказ!

Моргана прищурилась, разглядывая странное существо: «Действительно, ткань дорогая, даже не помялась, запонки золотые с изумрудом и заколка на галстук с бриллиантом, кстати, как и изящная сережка в мочке волосатого уха. Вероятно, хозяин создания очень любил свою обезьянку». Поверить в то, что гоблин вполне самостоятельный и ничейный, колдунья не могла. Ну, кто продаст одежду волосатому гоблину? Гоблины в лучшем случае прикрывают свою серо-зеленую, как у мерзкой жабы, кожу звериными шкурами.

– Во-вторых, я не животное, я гражданин Великобритании, у меня даже паспорт имеется! – изгалялся Ульрик, тыча под нос служанкам какие-то истерзанные пластинки, только что извлеченные им из потайного кармана пиджака. На них была нарисована самодовольная харя гоблина, причем нарисована очень искусным художником.

«Когда это Британия стала Великой», – фыркнула Моргана.

– Как тебя зовут? – равнодушно поинтересовалась принцесса.

– Ульриком, – буркнул гоблин, – А вас, юная леди?

Дева-воительница захала металлической перчаткой пленнику по зубам:

– Как разговариваешь с госпожой, животное! Перед тобой сама принцесса Моргана, дочь Феи Морезы и короля Утера...

Ульрик припомнил, сколько лет нынешнему королю и, вытирая кровь с разбитой губы, вякнул что-то вроде того, что, конечно, леди должна была обидеться за обращение «юная», но ведь даже при столь ее почтенном возрасте он сам годится ей в прадедушки... За что и получил по зубам еще раз.

– Что это за самоуправство, – не стерпел Ульрик, – Я же свободный гражданин! ... И вообще, никакого острова на карте не было! Нет вас и все тут!

Сэр Мирддин Эмрис посмотрел на часы-луковицу, верно, уже в сотый раз за долгий вечер, даже не удосужился засунуть серебряную безделушку обратно в карман, а небрежно отложил брегет на стол. Ульрик запаздывал, что было для него совершенно не свойственно. Ждать далее было просто бессмысленно – гоблин отличался редкостной пунктуальностью. Однако Мерлин, он же Мирддин, не сильно обеспокоился: либо Ульрик ошибся в подсчете сдвига во времени при прохождении через Врата, либо совсем закрутился на своем торговом предприятии...

Мирддин вытащил из отделанной самоцветами коробки толстую сигару и тут же смял ее в пальцах – курил волшебник редко, да и то при сильном душевном волнении.

Маг сердился. Он сначала призвал все мыслимые и немыслимые кары небесные, напасти и убытки на голову приятеля, но вскоре был готов простить Ульрику и обиды, и проступки, лишь бы он явился живым и в добром здравии. Из-за Ульрика откладывалось давно задуманное путешествие, в которое отправляться одному магу не хотелось. На всякий случай, Мерлин решил подождать гоблина еще пару дней, так как без Ульрика он рисковал потратить зря на свое предприятие гораздо больше времени.

Однажды он поручил Ульрику проверить одно дельце, так и не удосужившись испросить у гоблина отчет в его действиях. И вот, как только эта история приобрела неожиданную актуальность – гоблина и след простыл!

В родном мире Мирддина Эмриса, где он успел прославиться как могущественный маг и просто Мерлин, прошло больше чем два десятилетия с тех пор, как он в последний раз был там. Да и в этом мире годков пролетело немало, хоть и не столько, чтобы Мерлин успел почувствовать себя старым. Жить маг любил и не задумывался над числом прожитых дней – может, поэтому и не обнаруживалось сходство между незадачливым учеником Асмодеуса и великим волшебником Мерлином.

Как пестрая бабочка вылупляется из серой высохшей куколки, так и хмурый, вечно чем-то недовольный Фальстааф перерожден в улыбчивого невероятно везучего барда Мирддина Эмриса, то во всеми уважаемого солидного мага. Если первый вызывал у людей презрение и ненависть, граничащую со страхом, то последнего принимали, чуть ли не за святого. От Фальстаафа ждали мелких пакостей, а Мерлину приписывали великие подвиги. Как будто между первым и вторым не существовало никакой связи. Даже внешнее их сходство стало малозаметным. Да и где эти люди, помнящие, как выглядел забытый ученик Маэстро, сожженный драконом? И эта давняя история и даже ее очевидцы давно рассыпались в прах...

Мало что изменялось ныне в жизни Мерлина – большую часть времени он проводил в мире, чуждом волшебству. Но и покинуть родной мир навсегда чародей не мог. Если его приятель Ульрик адаптировался в чужой земле полностью, то у Мирддина лишь развилось привыкание к плодам цивилизации и спокойной, размеренной холостяцкой жизни.

Иногда душа хотела чего-то большего, рвалась назад, как птица из золоченой клетки. Сейчас на родине мага настал час для великих дел. И в этот час последний маг на земле не собирался бездействовать...

Волшебник взял в руки потрепанную книгу, которую откопал давным-давно в книжной лавке. Мерлин задумчиво пролистал несколько страниц...

Книга повествовала о канувшем в Лету времени настоящих рыцарей и волшебников, прошлому одной страны этого мира, в котором еще было место для подвигов.

Никто уже толком и не знал: происходили ли эти истории на самом деле и были лишь приукрашены сказителями или их выдумали люди целиком и полностью, в назидание потомкам. Но случайным поступком на своей, отдаленной по времени, родине маг воплотил одну из легенд в жизнь. Или подобие этой легенды...

По другую сторону Врат реально существовал заключенный в камень символ королевской власти – огромный меч. Сам Фальстааф не случайно назвался Мерлином – к этой глупой шутке над жителями страны, называвшейся ныне Британией, подтолкнула его все та же книга. Но уж никак не мог он предвидеть, что кое-что в его мире будет и дальше происходит так, как написано в этом потрепанном томе черным по белому. На троне уже сидел король Утер, и была у него когда-то возлюбленная – замужняя леди Игрейна. Возможно, все это – простое совпадение... А, может, и нет?

Сын родился у леди Игрейны. Что, в общем-то, не удивительно, ведь любовные связи обычно и заканчиваются детьми. Вот только ребенка Мерлин назвал Артуром, подчиняясь правилам начатой в стародавние времена игры...

Что до остального – книга могла умолчать, приукрасить или даже приврать. Ведь писали-то ее обычные люди. Кое-что дошло до авторов из устных преданий и летописей. Недостающие моменты истории домыслили, некоторые события изложили так, как больше понравилось рассказчикам.

Но совпадения казались скорее закономерными, чем случайными... И это было чрезвычайно любопытно.

Легенда превращалась в быль... Не объявился, правда, еще король Артур, а за круглым столом и рыцарями разве дело стало? Мерлин не знал, насколько велика была его роль в воссоздании сказаний этого мира на собственной родине, но не сомневался, что переложённая легенда предстанет в совершенно ином ракурсе. Но уж больно эта занятая история была запутана... Смущал Мерлина и печальный конец Артура, но маг не понимал, что могло бы ему помешать предотвратить смерть короля. А, впрочем, чем гибель на поле брани хуже бесславного угасания в собственной постели, тем более что, по представлению чародея, Артур успел к моменту кончины достигнуть почтенного возраста.

«Я перепишу эту историю, черт возьми!» – захлопнул книгу Мирддин. «Я перепишу ее хотя бы потому, что знаю, чем все может закончиться, а Мерлину из сказки было не дано знать финал, хоть и был он великий маг». Ни на минуту чародей не задумался, что, возможно, читает сказку про самого себя, что эта роль с самого начала была предназначена именно ему.

Маг наблюдал лишь забавную череду совпадений.

«Артуру должно быть сейчас чуть меньше двадцати пяти», – вспомнил Мерлин. «Самое ему время стать королем! Если, конечно, он жив... и совпадение нечто больше, чем просто совпадение...»

Еще пол века назад, по времени его родного мира, Мерлина глубоко уязвляло, что никто из живших ранее и ныне здравствующих героев не выполнил его предсказания – не вытащил из камня меч, окрещенный Экскалибуром, и не стал великим королем Британии по праву доблестного подвига. Но с тех пор, как он дал одному младенцу мужского пола и неопределенного происхождения имя «Артур» – отсутствие рыцарей, способных вырвать железку из объятий поросшего мхом валуна перестало его волновать: знать, не выросли еще эти рыцари, не возмужали еще.

С тех пор у мага было много других дел, не менее занимательных, так что он и позабыл напрочь о своем предсказании и младенце с именем из сборника сказок другого мира. Но вдруг, злосчастная книга попала вновь в руки чародея, и опомнился он – подсчитал дни, месяцы и годы и пожалел о своей легкомысленной забывчивости. Будущий великий король уже ждал своего звездного часа.

И надо сказать, ждать ему оставалось недолго, ибо нынешнему дряхлому королю Британии – Британии то ли сказочной, то ли всамделишной – недолго осталось протирать бархатную обивку высокого трона. Король Утер был очень плох, что было вполне естественно для его преклонных лет.

Мерлину пришлось заняться обустройством пути к тому месту, где находились Врата, дабы его перемещения оставались незамеченными для любопытных прохожих – хоть по отводу глаз маг и был непревзойденный мастер. Из башни покойного учителя чародей отправился напрямик в королевский дворец потратив лишь несколько минут на переодевание.

Воспользовавшись помутненным рассудком престарелого правителя, Мерлин предложил устроить состязание за право обладания Экскалибуром. Победитель не только завладеет волшебным мечом, но и станет наследником престола Британии. Утер загорелся этой идеей настолько, что взялся за ее реализацию без промедления, ибо трудности у короля с назначением приемника были немалые – сына он не нажил, а из бесчисленных внуков от законных и внебрачных дочерей никого не считал достойным.

Как по мановению волшебной палочки в Лондиниуме выросли походные шатры, в которых день-деньской кутили высокородные повесы со всех окрестных земель, упражняющиеся в изъятии железной реликвии из недр гранита. Тщетно... Запасы провизии таяли с угрожающей быстротой, Пендрагон чах, а герой все не приходил...

Прошла неделя, а Ульрик так и не соизволил появиться. Мерлин не на шутку обеспокоился за приятеля – ожидание казалось ему самой изощренной пыткой в мире. Терпение не принадлежало к числу добродетелей чародея. Наконец, Мерлин собрался в дорогу, в надежде, что получит весточку от Ульрика на месте.

В Драконьей башне Мерлин переоделся, приняв вид, подобающий волшебнику. Цепляясь звездчатой мантией за все придорожные кусты, путаясь в плаще, и, спотыкаясь об собственный посох, чародей отправился во дворец.

Толпа храбрых рыцарей встретила мага на площади сдавленными смешками и ехидными шепотками, касающимися его облачения. Мерлин лишь хмыкнул в ответ на столь непочтительное поведение юнцов, да погладил свою накладную бороденку. Для острастки он вызвал проливной дождик с громами и молниями, чем немало наглецов напугал – ибо еще за минуту до появления волшебника во всю светило яркое солнышко. Рыцари разбежались по своим белым шатрам – как известно, волшебники шуток не понимают. Мало ли что в голову чародею взбредет, возьмет да поразит молнией не успевшего спрятаться насмешника

Мерлин поправил съехавший на ухо колпак и вошел во дворец.

Придворные кучковались у дверей королевской опочивальни, гадая, сколько еще протянет живучий старикашка Утер.

Мерлин прибыл как раз вовремя: рыцари вовсю разбирались, кто из них старше, храбрее и знатнее в не совсем честных поединках. В кушанья подсыпались яды, а припозднившийся после адюльтера конкурент, пробираясь задворками во избежание огласки своих «подвигов», мог запросто схлопотать несколько дюймов холодной стали в бок.

Однако простой люд, по всему видать, собирался признать лишь короля законного и поэтому за ходом состязания следил строго. С восторгом был принят королевский указ о том, что попытать счастье может любой желающий, вне зависимости от рода-звания и достатка.

Маг вторгся в апартаменты Утера, разогнав стайку слуг и придворных лекарей. По-хозяйски обошел комнату, раздвинул портьеры и открыл окно, чтобы разрядить удушливую атмосферу спальни и развеять дурмящий запах знахарских снадобий. Поспешно ворвавшийся в комнату ветерок значительно облегчил дыхание Мерлина. В витражах заиграли солнечные зайчики, и помещение сразу потеряло свою зловещую мрачность.

Мерлин поинтересовался у сиделки, выполнялись ли его предписания, и не вздумал ли кто из знахарей заменить выданные Мерлином антибиотики высушенными и истолченными жабыми шкурками. Затем он присел у изголовья болящего.

Утер дышал тяжело и прерывисто, из горла вырывались хрипящие и булькающие звуки, маг даже решил, что в сознание старик уже не придет. Но король открыл глаза и неожиданно сильно вцепился своей иссохшей клешней в загорелую мускулистую руку волшебника...

– Это ты, Мерлин? – прохрипел король.

Маг кивнул и отер пот с королевского чела звездчатым рукавом.

– А ты все не стареешь, колдун... – завистливо выдохнул король, – Ты всегда был таким... даже когда я был еще молод...

Мерлин припомнил, что в первый раз он появился при дворе Утера, когда королю перевалило за полвека. Что ж ... восьмидесятилетний старец может назвать это молодостью...

– Какой там «не стареешь», – отмахнулся волшебник, – Голова вся белая...

– Меня не обманешь... особенно теперь, – горько выдохнул король, – Твои руки крепкие, как у молодого воина, хоть и привыкли скорее к рукояти посоха, чем меча... Годы не согнули твою спину, не вдавили в череп очи, не покрыли морщинами кожу – она гладкая на ощупь... Это привилегия волшебников? – спросил Утер.

Мерлин лишь пожал плечами – умирающего сложно одурачить. Волшебник действительно не старел – он носил седой парик и накладывал на лицо грим, чтобы создать иллюзию старости.

– Не знаю, Утер, – ответил чародей, – Я не прикладываю к этому никаких усилий... Это дар. Так же как и мои способности к волшебству.

– Когда же ты умрешь, колдун? – злобно прошипел король...

– Когда сам захочу? ... – улыбнулся Мерлин, – Когда придет мое время. Когда мне надоест этот мир и любой другой тоже.

– Мне бы не надоело, – уже спокойно произнес Утер и зашелся в приступе надсадного кашля.

Мерлин подумал, как странно цепляться за жизнь в таком состоянии. Смерть представлялась ему милосердной избавительницей от унижительной немощи старости...

Король потерял сознание или забылся в коротком сне, но когда Мерлин собрался уходить, Утер очнулся и заговорил очень тихо и жалобно.

– А ведь у меня был сын, Мерлин... – вспомнил король, – Ведь был же! ... И есть?

– Конечно, Утер, – успокоил его маг, – У тебя есть сын, и он обязательно объявится и свершит предначертанные ему подвиги... Он будет самым великим, мудрым и справедливым правителем на Земле. О нем будут слагать песни. Легенды проживут века...

– Все так... Я верю тебе, чернокнижник... – шептал король, – Он будет славен... А обо мне никто и не вспомнит...

– Разве не почетно быть отцом героя? – укорил чародей короля.

– Хоть бы увидеть его... – всхлипнул старик. Найти сына – стало для него навязчивой идеей.

Король был готов объявить своим сыном любого нищего оборванца, лишь бы он достал Экскалибур, исполнив пророчество Мерлина.

– Почему ты не приведешь его ко мне? Ведь это ты спрятал его о людей...

Маг скрипнул зубами: «Где же этот негодяй Ульрик! Старика даже не помереть спокойно из-за него. Ищи-свищи теперь королевича... Может, его и в живых-то уж нет».

– На кого он был похож? – спросил король.

Мерлин с трудом отбросил плохие мысли, задумался над вопросом старика и неуверенно ответил:

– На нее... На Игрейну...

Король тяжело вздохнул:

– Тогда у меня будет красивый сын...

Маг кивнул. Да, Игрейна была красавицей... В памяти всплыл волнующий образ рыжеволосой вдовы лорда Горлуа.

– И на тебя, – счел нужным добавить Мерлин.

– Сильный и мудрый сын! – бормотал король.

Мерлин пожевал губами, но так ничего и не добавил к изречению короля, хотя язвительные слова готовы были сорваться с языка. «Ваш сын, – подумал он, – Ладно, пусть будет ваш... ваше величество...»

– Помнишь... – закатывая глаза, еле слышно сказал умирающий, будто выдохнул, выпуская последний воздух из легких, – Мы назвали его Артуром...

Глаза короля остались открытыми, мечтательно устремленными куда-то вбок, возможно, на череду женских портретов, украшавших южную стену спальни. Мерлин и сам взглянул на размытые полумраком лики – фаворитки, любовницы и, наконец, жены короля... Солнечный лучик выхватил из темноты бледный овал в обрамлении золотистых кудрей, заиграл на тщательно вырисованных маслом прядях... Прекрасная Игрейна – такая же прекрасная, как пару десятилетий назад...

Мерлин закрыл глаза покойнику и вышел на негнущихся ногах из королевских апартаментов.

– Его будут звать Артуром, – пробурчал себе под нос маг, но в гробовой тишине зала его голос прозвучал довольно отчетливо.

– Кого? – недоуменно спросил кто-то из придворных.

– Вашего короля, – машинально ответил маг и пошел прочь из дворца.

Придворные пожали плечами и рванули в покои Утера наводить там порядок и собирать короля в последний путь...

Маг закрылся в своем кабинете на самой верхушке Драконьей Башни. Комнатенка была маленькой по объему, но никогда не казалась тесной. В нужный момент она могла преобразиться в просторный холл.

Мерлин сел напротив трюмо, отклеил седую бороду и усы, стащил с себя остроконечный колпак вместе с сереброкудрым париком и устался на отражение своей смуглой, измазанной гримом физиономии. Он смыл губкой нарисованные морщины, темные круги вокруг глаз, вытащил голубые линзы – делающие взгляд таким пронзительным, по-детски чистым и старчески-мудрым. Настоящий цвет его глаз – болотно-зеленый он считал не внушающим доверия.

Чародей взъерошил коротко стриженные черные, как смоль, волосы и, ощерившись, надменно бросил отражению:

– Клоун.

Отражение особо не возражало... по крайней мере, вслух, но скорчило брезгливую гримасу, которая говорила сама за себя...

Маг задумался. Как давно он ничего не вспоминал! Ничего из своих «великих подвигов»... А сейчас вот вспомнилось. Вдруг... И как раз то, что вспоминать было больнее всего – стыдно и горько.

– А ведь это мог быть мой сын? – подумал маг, – Только мне никогда не назвать его сыном... никогда... Мой король, мой Артур...

Двадцать пять лет тому назад маг вот также сидел перед зеркалом в замке Тинтагель, совершая обратные манипуляции – то есть обряжался в костюм волшебника, разрисовывал лицо актерским гримом и наклеивал стариковскую бороденку. Стараясь при этом не обращать внимания на одну красавицу, возлежавшую на широченной кровати в глубине спальни. Эта соблазнительная картина отражалась в зеркале туалетного столика. Маг мужественно подавлял смущение перед наготой ее истомленного любовью тела, но получалось плохо – рука с кисточкой для макияжа предательски дрожала, и краска ложилась толстым слоем отсыревшей штукатурки. Больше всего Мерлина раздражал взгляд женщины, бесстыдный и пренебрежительный.

– Шут... – проронила леди Игрейна, покусывая жемчужными зубками и без того припухлые губки.

Мерлин оставил ее колкость без внимания... Сам виноват: нельзя показывать женщине даже кусочка тайны, ибо, ухватившись за кончик, она рано или поздно вытянет весь секрет.

– Ну, и как великий волшебник будет оправдывать свой визит к молодой вдове? – ухмыльнулась леди, – Уже довольно светло, Маэстро, ваш уход заметит множество любопытных...

– Маэстро составлял вам гороскоп, прекрасная леди. Как известно, для этого занятия больше всего подходит ночное время. И разве лучше станет вашей репутации оттого, что ваши покои покинул бы не почтенный маг, а неопределенного рода и звания повеса, по которому плачет славная гвардия так обожаемого вами короля? К тому же вы забываете, что я волшебник, и в случае необходимости могу уйти незамеченным.

Игрейна скептически поджала губы – в магические таланты любовника она верила слабо, считая его ловким пройдохой. Но от этого он нравился ей не меньше.

Леди Игрейна, без пяти минут королева Британии, была, пожалуй, единственным человеческим существом, не испытывавшим страха перед пронзительным взглядом чародея. В его глазах, синих, как озерная вода, с которой только что сошел лед, красавица не находила блеска зарниц, пугающего коварных придворных. Для нее в них отражалась только страсть и, как ни странно, не смотря на столь трезвый рассудок чародея – любовь...

– Ну, ты закончил, Маэстро? – усмехнулась Игрейна.

– Почти, – огрызнулся Мерлин, натягивая на серебристые благообразные кудри дурацкий колпак.

– Тьфу, смотреть противно, – гневно изрекла вдовушка, – Целовать на прощанье я тебя уже не буду, мерзкий старикашка.

– Но согласись, что это неплохой маскарад, чтобы безбоязненно заходить в спальни к хорошеньким женщинам, – сделал вид, что не обиделся, Мерлин, – Да и твои поцелуи опасны, крошка. Ты обязательно размажешь мой грим.

Красавица запустила в мага меховым пуфиком, но, как обычно, таинственным образом не попала. Орудие мести упало к ногам чародея, неожиданно изменив траекторию полета...

– Ладно, – сказала Игрейна, – Поскольку можно считать, что мой любовник уже покинул наше уютное гнездышко, и в гостях у меня волшебник Мерлин, а не сердцеед Мирддин Эмрис – у меня есть к тебе дело. То есть дело, в котором мне может помочь настоящий волшебник...

– Мда, и что это за дело, в котором нужен придворный чародей? – нарочито бесцветно проговорил маг, стараясь не высказать своего интереса.

– У меня будет ребенок, – как бы между прочим, сообщила Игрейна, лениво поднялась с постели и неторопливо облачилась в кружевной пеньюар.

Колпак с не доклеенными кудрями свалился с головы мага.

– Мой ребенок? ... – спросил чародей. При этом его голос предательски дрогнул.

Леди Игрейна презрительно фыркнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.